

А.А.Островерхов В ПОИСКАХ ТЕОРИИ ОДНОПАРТИЙНОГО ГОСПОДСТВА: МИРОВОЙ ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ СИСТЕМ С ДОМИНАНТНОЙ ПАРТИЕЙ (II)¹

Ключевые слова: теория однопартийного господства, доминантная партия, цикл однопартийного доминирования, Морис Дюверже, Джованни Сартори

Системы с доминантной партией

Доминирующая партия по определению может существовать во всех без исключения партийных системах — если их рассматривать в качестве систем с доминирующей партией, то они не сильно отличаются друг от друга². Так, исследования двух классических двухпартийных систем — английской и американской — показали, что Великобритания и США состоят из преимущественно однопартийных регионов³. В американском случае электоральное доминирование одной из двух партий было зафиксировано не только в границах так называемого «сплоченного Юга», но и в других штатах. В частности, классифицируя региональные партийные системы США, Джозеф Шлезингер выделял в их числе однопартийно-циклические, однопартийно-преобладающие и обычные однопартийные⁴. По мнению Джованни Сартори, на формирование системы с доминирующей (преобладающей) партией указывает даже «ситуация, когда две партии... не в состоянии воссоздать *механику* двухпартийности», то есть когда эти партии «недостаточно конкурентоспособны, чтобы обеспечить чередование у власти»⁵. Исследователи типичных однопартийных систем зачастую проводят различия между поздним СССР и режимом Иосифа Сталина, а также между современным Китаем и режимом Мао Цзэдуна и, ссылаясь на то, что и в позднем СССР, и в современном Китае допускались (допускаются) номинально оппозиционные группы⁶, говорят о наличии в них систем с доминантной (гегемонистской) партией⁷. Вместе с тем, вопреки заключению Сартори, отмечавшему, что «гегемонистский двухъязычный строй [в принципе] признает другие политические группы во всем их многообразии, тем самым прокладывая путь к расширению совокупности политических единиц»⁸, из-за отсутствия состязательности подобные системы часто смешивают с однопартийными (причисляя к последним в том числе Малайзию, Тайвань, Сингапур и др.)⁹. Таким образом, при изучении систем с доминирующей партией исключительно на уровне партийных систем можно получить самые неожиданные результаты (например, что

¹ Окончание. Начало см. *Политика*. 2017. № 3, с. 136—153.

² См., напр. Mair 1997: 203.

³ Wildavsky 1959: 309.

⁴ Schlesinger 1955.

⁵ Sartori 2005: 74, 174.

⁶ Friedman, Wong 2008: 2.

⁷ Friedman 2008; Reuter, Remington 2009: 503.

⁸ Sartori 2005: 206.

⁹ См., напр. Huntington 1970: 26; Geddes 1999: 139.

на каком-то этапе Советский Союз в этом плане практически не отличался от Соединенных Штатов).

Чтобы проследить более глубокие различия между системами с доминирующей партией, исследователи обратились к уровню политических режимов с акцентом на политическую мобилизацию (политическое участие). Было обнаружено, что потенциально доминирующие партии приходят к власти на фоне *кризиса политической мобилизации*, который отражает «коренную перестройку политических диспозиций ключевых социально-экономических групп»¹⁰. Этот кризис зачастую носит случайный характер и стимулируется одним или несколькими событиями, варьирующими в диапазоне от войн и революций до серьезных экономических спадов (поражение Японии во Второй мировой войне; переселение евреев в Палестину до основания современного израильского государства; партизанская война в Малайзии; революция в Мексике; установление, а затем падение режима апартеида в ЮАР; сжатие Китайской республики до Тайваня после гражданской войны на материке; введение в Швеции всеобщего избирательного права, влияние на страну мирового экономического кризиса 1920—1930-х годов и др.). В условиях, когда «политические структуры заметно расшатываются, старые решения теряют притягательность, старые альянсы распадаются, а на передний план выдвигаются новые проблемы и новые социальные, политические и экономические группы»¹¹, и появляется партия, которая предлагает массам наиболее адекватные их потребностям мобилизационные сценарии.

В процессе мобилизации формируется поведение (политика, стратегия) доминирующей партии по отношению к электорату и соперникам, которое исследователи рассматривают как политический режим (то есть «поведенческую систему» — совокупность повторяющихся стимулов и реакций). Тестируя его на соответствие нормам демократии (например, с помощью экспертных оценок *Freedom House*), они выделяют демократические и авторитарные системы, или режимы, с доминирующей партией (см. *табл. 1*). Однако поскольку в мировом политологическом сообществе нет консенсуса по поводу набора обязательных признаков демократии (так, в частности, существует точка зрения, согласно которой отсутствие чередования во власти в принципе несовместимо с демократическими нормами¹²), жестко развести два типа однопартийного доминирования оказывается невозможно. В связи с этим исследователи, с одной стороны, обращают внимание на авторитарные проявления в демократических системах с доминирующей партией, отличающие их от «идеальных» либеральных демократий (размывание границ между правящей партией и государством, ограничение политической конкуренции, политического участия и инициатив и проч.)¹³, а с другой — выявляют демократические черты в авторитарных системах с доминирующей партией, сопоставляя их с прочими разновидностями авторитаризма (наличие реальной базы социальной поддержки, сосуществование правящей

¹⁰ *Pempel 1990b: 341.*

¹¹ *Ibid.: 342.*

¹² *См., напр. Przeworski et al. 2000: 16.*

¹³ *См., напр. Boucek, Vogaards 2010: 3.*

Таблица 1 Категоризация систем с доминирующей партией

	<i>Авторитарные системы с доминирующей партией</i>	<i>Демократические системы с доминирующей партией</i>
<i>Политическая система</i>	Нелиберальная демократия «Несвободная», «частично свободная» страна (по оценке <i>Freedom House</i>)	Либеральная демократия «Свободная» страна (по оценке <i>Freedom House</i>)
<i>Политическая власть</i>	Централизованная Монополия на власть	Централизованное правительство Власть имеет определенные границы
<i>Выборы</i>	Регулярные, но несвободные (применение силы и запугивания) и нечестные (ограничение оппозиции) Правящей партии достаточно получить <i>относительное</i> большинство голосов на выборах	Регулярные, довольно свободные и честные Правящей партии желательно получить <i>абсолютное</i> большинство голосов на выборах
<i>Институты</i>	Институциональная централизация Правящая партия контролирует все ветви власти; разделение властей фактически отсутствует Независимые статутные органы (<i>independent statutory bodies</i>) находятся под контролем	Заметная централизация власти Независимая судебная власть Независимые статутные органы (<i>independent statutory bodies</i>)
<i>Верховенство закона</i>	Игнорируется, обходится и умышленно нарушается правящей партией	Элиты и общество признают и соблюдают верховенство закона
<i>Гражданское и политическое общество</i>	Ограничиваются и подвергаются давлению Диспозиционная централизация (<i>dispositional centralisation</i>)	Выступают в качестве сдержек и противовесов по отношению к правящей партии Свобода объединений и дискуссий признается и охраняется Институты гражданского общества играют множество ролей Политические партии свободно соперничают на выборах
<i>Свобода СМИ</i>	Государство владеет большинством СМИ Правящая партия использует цензуру по своему усмотрению Все СМИ регулируются государством	Существуют как государственные, так и частные СМИ Цензура законодательно ограничена Государственное регулирование распространяется лишь на часть СМИ

Источник: Jager N. de, Toit P. du. 2013. Introduction // Jager N. de, Toit P. du. (eds.) *Friend or Foe? Dominant Party Systems in Southern Africa: Insights from the Developing World*. — Cape Town: UCT Press. P. 13

партии с оппозицией, институционализация передачи власти, кооптация возникающих политических движений и др.)¹⁴.

¹⁴ См., напр. *Nacif* 2006: 93.

Положить конец устоявшемуся однопартийному доминированию, в сущности, способен только новый кризис политической мобилизации¹⁵. С течением времени доминирующей партии оказывается все сложнее приспособляться к новым социально-экономическим условиям, отвечать обновленным ожиданиям и ориентациям электората и решать возникающие проблемы. Промахи в мобилизации ключевых социально-экономических групп, допущенные лидерами доминирующей партии в процессе адаптации к изменившимся условиям (особенно в периоды кризисов), и внутрипартийные расколы приводят к свертыванию «прибавочного цикла доминирования», подталкивая широкие слои избирателей к переходу на сторону оппозиции, предлагающей новые мобилизационные возможности. Так, в 1993 г. Либерально-демократическая партия Японии уступила на выборах оппозиционной коалиции; в 1994 г. Христианско-демократическая партия Италии была распущена из-за обвинений в коррупции и связях с мафией; в 2000 г. Социалистическая партия Сенегала лишилась поддержки религиозных лидеров и проиграла президентские выборы; в 2006 г. Либеральная партия Канады утратила власть после политического скандала и т.д.

¹⁵ См., напр. *Pempel* 1990b: 340–352; *Friedman, Wong* 2008: 4–5.

В результате получается, что, с точки зрения позитивного подхода, система с доминирующей (преобладающей или гегемонистской) партией — это, по сути, любая многопартийная (или даже однопартийная, но допускающая существование оппозиционных групп, как в случае позднего СССР) страна, где имеется доминирующая партия. По нашим подсчетам, за 65 лет в соответствующий список было включено свыше 130 стран (см. *Приложение*), то есть почти весь земной шар (см. *карту 1*), причем на одну страну нередко приходится несколько доминирующих партий, правивших в разное время. К системам с доминирующей партией чаще всего относят Индию, Мексику, Швецию, Италию, Израиль, Японию, Тайвань, Сингапур, Индонезию, Малайзию и ЮАР, а когда речь заходит об однопартийном доминировании на местах (*district-level dominance*) или в регионах (*sub-national dominance*) — США, Канаду, Францию и Германию. Вне этого списка пока остаются лишь большинство государств Восточной Европы, прежде всего молодые республики, возникшие в европейской части бывшего СССР (кроме России и Молдавии) и на территории Югославии, а также некоторые другие страны (например, беспартийные режимы). В азиатской части бывшего СССР доминирующие партии выделяются в Грузии, Казахстане, Азербайджане, Узбекистане, Таджикистане и Туркмении. В частности, Рико Айзекс и Сара Уитмор пишут о персонализированных доминирующих партиях в России и Казахстане, поскольку действующие там партии этого типа («Единая Россия» и «Нур Отан» соответственно) тесно связаны с фигурой президента¹⁶.

¹⁶ *Isaacs, Whitmore* 2013.

Карта 1 Доминирующие партии в мире*

* Карта составлена автором на основе: Дюверже 2007 [1951]; Duverger 1960; Almond 1960; Blanksten 1960; Coleman 1960; Blondel 1968, 1972; Bellows 1970; Huntington 1970; Moore 1970; McDonald 1971; Sartori 2005 [1976]; Beyme 1985; Pempel 1990a; Anckar 1997; Giliomee, Simkins 1999; Rimanelli 1999; Van de Walle, Butler 1999; Bogaards 2004; Friedman, Wong 2008; Boucek, Bogaards 2010; Reuter 2010; Jager, Toit 2013; Doorenspleet, Nijzink 2013.

Заключение

Политическая социология (она же *политология*) развивается благодаря двум противоборствующим парадигмам: позитивистской и интерпретативной (антипозитивистской). Со временем позитивистская парадигма, по сути, превратилась в отдельную дисциплину, которую сегодня обычно называют политической наукой (*Political Science*), а политическая социология осталась на интерпретативных позициях. «Политические ученые» (политологи-позитивисты, далее — просто политологи) изучают групповое *политическое поведение* как совокупность реакций на внешние по отношению к субъекту (объективные) импульсы — социальные, биологические, географические и др. В свою очередь социологи политики (i.e. политологи-интерпретативисты) занимаются поиском субъективного смысла *социального действия*, окрашенного индивидуальными мотивами и намерениями. Если политологов прежде всего интересует, кто, что, когда и как получает в мире политики, то социологов политики — почему и зачем. Таким образом, речь идет (в том числе и в случае с концептуализацией однопартийного господства) не столько о разных подходах к определению ключевых понятий, сколько о фундаментальных различиях, которые прослеживаются и на уровне гносеологических установок (позитивизм—антипозитивизм, натурализм—антинатурализм, объективизм—субъективизм, эмпиризм—реализм, сциентизм—антисциентизм и т.д.), и в теориях среднего уровня (электоральная социология vs. социология господства), и в рамках частных рабочих гипотез (доминирующая vs. господствующая партия).

Позитивистский подход предполагает, что альтернативные ему научные методы (интерпретативизм и диалектика) являются ложными,

ибо, в соответствии с фундаментальным логическим *законом противоречия*, возможен только один истинно научный метод. Между тем сам процесс превращения позитивной политической социологии в современную политическую науку порождает вопрос о степени ее собственной научности. Очевидно, что внутренних импульсов для такой трансформации было недостаточно — ограниченное применение в социально-гуманитарных исследованиях лишь одного научного метода, как правило, не дает существенных результатов: например, бихевиоризм как одно из воплощений позитивистской парадигмы так и не стал новой «психологической наукой» в противовес существующей психологии; неоклассическая школа — не единственное направление в экономике, и ее развитие не привело к появлению отдельной «экономической науки» и особых «экономических ученых» и т.д. Значит, формирование политической науки не в последнюю (а быть может, и в первую) очередь объясняется внешними факторами. В их числе — расцвет социального дарвинизма в Германии, Франции, Великобритании и США в конце XIX — начале XX в., образование советской политологии в форме «научного коммунизма» (с 1920-х годов — «марксизма-ленинизма»), эмиграция известных европейских обществоведов в Америку в 1930-е годы, деятельность ЮНЕСКО по институционализации и распространению политической науки (конец 1940-х — 1950-е годы), переход к аналитической философии в американской системе образования (1960-е годы), угасание дискуссий об антипозитивизме в социологии (с середины 1970-х годов) и др.

Хотя в первые послевоенные годы ЮНЕСКО возлагало на новую политическую науку вполне определенные надежды, связанные с защитой мира и безопасности, она состоялась прежде всего в русле «*научного либерализма*» при непосредственном влиянии США (в частности, через систему грантов), обосновывая демократический строй в противовес коммунистическому и любому авторитарному. Отсюда логические несоответствия между субъективными (нормативными) ожиданиями ученых, политической теорией и объективными эмпирическими данными. Так, согласно наиболее распространенному (и глубоко политологическому) определению, политическая партия — это организация, главной целью которой является получение и отправление власти (Джозеф Лапаломбара, Мирон Вайнер¹⁷ и др.). Однако исследователи все равно выражают удивление и обеспокоенность, когда повсеместно обнаруживают доминантные партии, которые лишь успешнее других с этим справляются¹⁸, пытаются доказать, что однопартийное господство и так называемое сфабрикованное большинство в целом не характерны для демократий¹⁹, и склонны рассматривать системы с доминантной партией исключительно в качестве авторитарных, смешивая их с электоральным (состязательным) авторитаризмом, управляемой демократией, относя к классу гибридных режимов и т.д.²⁰ В результате одни и те же критерии выделения доминантной партии фигурируют в политологической литературе и как недостатки демократии, и как

¹⁷ LaPalombara, Weiner 1964.

¹⁸ См., напр. Bogaards 2004: 192; Doorenspleet, Nijzink 2013: 1.

¹⁹ См., напр. Petrel 1990b: 334; Голосов 2005: 108.

²⁰ См., напр. Reuter, Gandhi 2011: 87; Geddes et al. 2014: 319.

проявления авторитаризма (в зависимости от конъюнктуры, предубеждений авторов и т.п.).

В теоретико-методологическом плане политическая наука заимствует из других дисциплин позитивные теории и методы, чтобы с их помощью исследовать политику как автономную институциональную сферу общества. Чисто политологических теорий и методов, похоже, не существует, хотя в трудах политологов встречается множество концепций, которые, с одной стороны, объявляются теориями, а с другой — используются в качестве инструментов (методов) политического анализа. Образцом для «политических ученых» служит естествознание (физика, биология, география и др.), а также воплощения позитивистской парадигмы в общественных дисциплинах (психологии, социологии, экономике и др.). Так, в первой половине — середине XX в. собственно политологические работы носили главным образом *биологический* (социал-дарвинизм) и *психологический* (бихевиоризм) характер, а во второй половине столетия постепенно приобрели *экономический* оттенок (неоклассическая теория рационального выбора и новый институционализм). Отсюда представление о стремлении большинства людей к власти как развитие идеи естественного отбора (выживания наиболее приспособленных) и борьбы за существование, рассмотрение общественных институтов исключительно с точки зрения ресурсов власти и т.д. Что касается интерпретативных теорий и методов, то они подвергаются в политической науке обязательной операционализации, или *натурализации* (то есть очищению от чрезмерной «социологичности», «психологичности», «историчности», «метафизичности», «идеалистичности», «телеологичности» и т.п.), и либо преобразуются в позитивные, либо отбрасываются как несостоятельные. Например, концепция власти Роберта Даля отражает позитивистский взгляд на теорию политического господства Макса Вебера, «система поведения» ($S \rightarrow \blacksquare \rightarrow R$) Дэвида Истона кардинально отличается от «системы действия» Толкотта Парсонса, позитивистская операционализация доминирующей партии Сартори стала ответом на социологическую интерпретацию господствующей партии Мориса Дюверже и т.п.

Политическая наука по большей части отторгает *исторический* (историографический и источниковедческий) и *философский* анализ, поскольку они по своей сути противоречат позитивистской установке на непосредственное наблюдение «здесь и сейчас» в отрыве от метафизических («везде и всегда») и ретроспективных («тогда и там») рассуждений и не отказываются от прикладных интерпретативных методов (таких, как эмпатия, интроспекция, воображение, интуиция и др.)²¹. Поэтому новейшие исследования однопартийного господства практически не ссылаются на ушедшие в прошлое типичные случаи (Италию, Израиль и т.п.) как на объективную реальность, не пытаются сравнивать их в этом качестве с действующими системами с доминантной партией. Поэтому под собственно *социологическим* подходом в политической науке, по-видимому, понимается старый институционализм —

²¹ См., напр. Crick 1959: 227; Lustick 1996: 606.

рассмотрение государства с точки зрения влияния на политику других институциональных сфер (прежде всего экономики); а под собственно старым институционализмом — *юридический* подход к описанию формальных институтов (правил, процедур, норм и т.п.). Поэтому внешне похожие термины (господствующая, доминирующая, преобладающая, гегемонистская партия и проч.) используются в современной политологической литературе как синонимы, и большинство исследователей не считает нужным углубляться в их содержание. Особенно это касается последних веяний в отечественной политологии. В трудах российских авторов можно встретить упоминания о «полупартийной системе» в Иране и некоторых других странах²² (хотя данное понятие имеет смысл только применительно к Японии до начала 1990-х годов) или о «системе с партией-гегемоном» в ГДР и Болгарии²³ (где действовали однопартийные системы), обсуждение проблемы «преобладающей» во Франции и Мексике²⁴ (в то время как первая была обычной многопартийной страной, а вторая — системой с гегемонистской партией) и т.д. Есть сложности и с переводом иностранной терминологии (английское *rule* переводят как господство, а не как правление; французское *domination* — как доминирование, а не как господство и т.д.), а также с ее осмыслением.

²² См. Окунев 2009: 143; Сергеев, Саруханян 2012: 132.

²³ Дегтярев 1998: 98; Заславский 2007: 227.

²⁴ Мелешкина 2006: 146; Макаренко 2011: 48.

Суммируя вышесказанное, можно констатировать, что политическая наука представляет собой довольно узкий подход в политической социологии, который на практике означает либо отказ от рассмотрения «внеполитических факторов», либо их искажение (или сужение, или восприятие в отрыве от социально-психологического, культурно-исторического, экономического и политико-правового контекста). Так, доминантная партия предстает в политологической литературе исключительно в образе независимого политического игрока, который благодаря стратегическим талантам партийных лидеров способен долгие годы поддерживать свое электоральное превосходство на выборах всех уровней, поощряя союзников и изолируя противников за счет безграничного доступа к неиссякаемым государственным ресурсам. Главным подтверждением тому служит собственно правящий статус партии и непрерывность ее правления (остальные факты практически в равной степени теоретически нагружены). Между тем социологи, вероятнее всего, назвали бы такой вывод тривиальным, наивным и надуманным — поскольку для того, чтобы запустить процессы, ведущие как к установлению, так и к окончанию однопартийного господства, достаточно случайного мобилизационного кризиса. Это свидетельствует о том, что политологи не учитывают целый ряд глубинных особенностей систем с доминантной партией в тех странах, где они *реально* существуют: масштаб стоящих перед правящей партией задач, то место, которое она занимает в обществе, характер ее связей с массами и многое другое.

В то же время чем дальше от США, тем слабее либеральная идеология, тем критичнее авторы относятся к позитивистской парадигме и тем активнее используют социологическую интерпретацию,

связанную с «оправданием» доминантной партии. В частности, в последних исследованиях южноафриканских специалистов упоминаются символические ресурсы однопартийного господства: героическая история правящей партии и ее достижения, политические мифы и символы, идентичность и культура, легитимность и идеология, наличие харизматических лидеров²⁵ и т.п. Так, Индийский национальный конгресс боролся за независимость страны, Африканский национальный конгресс играл ключевую роль в обрушении апартеида, Институционально-революционная партия олицетворяла завоевания мексиканской революции, Гоминьдан отстаивал суверенитет нашедшей последнее убежище на Тайване Китайской республики перед лицом коммунистического Китая и т.д. Помимо максимизации выгоды, выделяются и другие мотивы, побуждающие людей голосовать за доминантную партию; в их числе — эмоциональные связи («я хочу принадлежать к большинству»), убеждения («я не верю в конкурентную политику») и недостаток информации («мне не из чего больше выбрать»)²⁶. Высказываются сомнения, что однопартийное господство допустимо сводить к простому численному превосходству правящей партии над соперниками; критикуется чрезмерное внимание, в первую очередь американских ученых, к выборам, возложение вины за электоральные неудачи оппозиционных сил исключительно на правящую партию, заикленность на ее недостатках, пренебрежение к внепарламентским демократическим практикам, безразличие к роли широкой общественности; приверженцы позитивного подхода обвиняются в консерватизме, догматизме, фетишизме, одностороннем понимании плюрализма и демократии²⁷. Ставится вопрос, действительно ли система с доминантной партией негативно влияет на демократию²⁸, и т.д.

Таким образом, процесс концептуализации однопартийного господства по большому счету напоминает спор между последователями двух ученых — Мориса Дюверже и Джованни Сартори, — которые просто задействовали разные научные методы. Дюверже справедливо полагал, что отнюдь «не любую партию, количественно превосходящую другие в течение некоторого периода времени, следует считать доминирующей [sic! — А. О.]: на этот материальный элемент накладываются элементы социологические»²⁹; поэтому рассуждал о феномене веры в партию, ее легитимности, влияния и связи с эпохой; наряду с отрицательными, отмечал и положительные стороны однопартийного господства, его стабилизирующее воздействие и т.п. Однако в 1950—1960-е годы, вероятно предвидя острую критику со стороны новой политической науки, он поспешил признать свою концепцию размытой³⁰, оставив потомкам лишь незавершенный эскиз теории однопартийного господства. Сартори же как истинный политолог считал, что выделение особой системы с доминантной партией из «плюралистической» среды имеет смысл только тогда, когда у правящей партии есть возможность не делиться властью с соперниками, и потому писал о преобладающих, гегемонистских и просто доминирующих партиях и системах в Европе, Азии и Америке, а также о неустойчивых (в 1950—1970-е годы) доминантно-неавторитарных,

²⁵ *Toit, Jager 2013: 195—196.*

²⁶ *Doorenspleet, Nijzink 2013: 17.*

²⁷ *Suttner 2006: 279—290.*

²⁸ *Nijzink, Doorenspleet 2013: 207.*

²⁹ *Дюверже 2007: 365.*

³⁰ *Duverger 1960: 45.*

³¹ Sartori 2005: 226—237.

доминантно-авторитарных и недоминантных моделях в Африке³¹. Если рассматривать логику и терминологию Сартори в качестве элементов самостоятельной концепции, то можно сказать, что она получила наибольшее распространение в мировой исследовательской практике (вплоть до пристального внимания к африканским странам), пусть и в менее строгом варианте — исследователи измеряют все доступные форматы и уровни однопартийного господства, включая внутривнутрипартийный (*intra-party dimension of dominance*)³², стараясь называть их одним словом.

³² См. напр. Boucek 2012.

* * *

Хотя ученые потратили довольно много времени и сил на изучение доминантных партий, похоже, что поиск теории однопартийного господства на сегодняшний день фактически зашел в тупик. Полученный теоретический результат, когда большинство стран мира относились или относятся к системам с доминантной партией и в конечном счете различаются лишь по совокупности оценок идеологически ангажированных экспертов, выглядит поверхностным и необоснованным. Очевидно, что при концептуализации однопартийного господства позитивный подход до сих пор не привел к значимым открытиям и достижениям — не помог в установлении ранее неизвестных объективных закономерностей, особых свойств и т.д. Несмотря на определенную логическую стройность и другие достоинства, его потенциала, или объяснительной и предсказательной силы, явно недостаточно, чтобы отрицать другие научные методы как несостоятельные. Если мы хотим понять, что в действительности представляет собой однопартийное господство и почему формируются системы с доминантной партией, возврат к теоретическим и методологическим наработкам в рамках интерпретативной парадигмы, частным случаем которой является диалектика, предлагающая учитывать и преодолевать существующие противоречия между позитивизмом и антипозитивизмом, по всей видимости, неизбежен. На наш взгляд, это позволит завершить эскиз теории однопартийного господства (о синтезе которой пока рано говорить) на подлинно социологических основаниях, вернуть в научный оборот несправедливо забытые терминологию и методологию, значительно сократить число анализируемых государств и открыть новую перспективу в изучении данной проблемы.

Библиография

Голосов Г.В. 2005. Сфабрикованное большинство: конверсия голосов в места на думских выборах 2003 г. // *Полис*. № 1. С. 108—119.

Дегтярев А.А. 1998. *Основы политической теории*. — М.: Высшая школа.

Дюверже М. 2007 [1951]. *Политические партии*. — М.: Академический проект.

Заславский С.Е. (ред.) 2007. *Основы теории политических партий*. — М.: Европа.

- Макаренко Б.И.** 2011. Постсоветская партия власти: «Единая Россия» в сравнительном контексте // *Полис.* № 1. С. 42—65.
- Мелешкина Е.Ю.** 2006. Доминирование по-русски или мировой феномен? // *Политическая наука.* № 1. С. 135—161.
- Окунев И.Ю.** 2009. Стэнфордская модель кризиса развития // *Полис.* № 3. С. 136—144.
- Сергеев В.М., Саруханян С.Н.** 2012. «Белая революция»: провал модернизации сверху // *Полития.* № 3. С. 132—145.
- Almond G.A.** 1960. Introduction: A Functional Approach to Comparative Politics // Almond G.A., Coleman J.S. (eds.) *The Politics of the Developing Areas.* — Princeton: Princeton University Press. P. 3—64.
- Anckar D.** 1997. Dominating Smallness: Big Parties in Lilliput Systems // *Party Politics.* Vol. 3. № 2. P. 243—263.
- Bellows T.J.** 1970. *The People's Action Party of Singapore: Emergence of a Dominant Party System.* — New Haven: Yale University Southeast Asia Studies.
- Beyme K.** von. 1985. *Political Parties in Western Democracies.* — Aldershot: Gower.
- Blanksten G.I.** 1960. The Politics of Latin America // Almond G.A., Coleman J.S. (eds.) *The Politics of the Developing Areas.* — Princeton: Princeton University Press. P. 455—531.
- Blondel J.** 1968. Party Systems and Patterns of Government in Western Democracies // *Canadian Journal of Political Science.* Vol. 1. № 2. P. 180—203.
- Blondel J.** 1972. *Comparing Political Systems.* — N.Y.: Praeger.
- Bogaards M.** 2004. Counting Parties and Identifying Dominant Party Systems in Africa // *European Journal of Political Research.* Vol. 43. № 2. P. 173—197.
- Boucek F.** 2012. *Factional Politics: How Dominant Parties Implode or Stabilize.* — Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Boucek F., Bogaards M.** 2010. Introduction: Setting a New Agenda for Research // Bogaards M., Boucek F. (eds.) *Dominant Political Parties and Democracy: Concepts, Measures, Cases and Comparisons.* — L.: Routledge. P. 1—19.
- Coleman J.S.** 1960. The Politics of Sub-Saharan Africa // Almond G.A., Coleman J.S. (eds.) *The Politics of the Developing Areas.* — Princeton: Princeton University Press. P. 247—368.
- Crick B.** 1959. *The American Science of Politics: Its Origins and Conditions.* — Berkeley: University of California Press.
- Doorenspleet R., Nijzink L.** 2013. One-Party Dominance in African Democracies: A Framework for Analysis // Doorenspleet R., Nijzink L. (eds.) *One-Party Dominance in African Democracies.* — Boulder: Lynne Rienner Publishers. P. 1—24.
- Duverger M.** 1960. Sociologie des partis politiques // Gurvitch G. (dir.) *Traité de sociologie.* T. II. — P.: PUF. P. 22—45.
- Friedman E.** 2008. Why the Dominant Party in China Won't Lose // Friedman E., Wong J. (eds.) *Political Transitions in Dominant Party Systems: Learning to Lose.* — L.: Routledge. P. 252—268.

Friedman E., Wong J. 2008. Learning to Lose: Dominant Parties, Dominant Party Systems, and Their Transitions // Friedman E., Wong J. (eds.) *Political Transitions in Dominant Party Systems: Learning to Lose*. — L.: Routledge. P. 1—12.

Geddes B. 1999. What Do We Know about Democratization after Twenty Years? // *Annual Review of Political Science*. Vol. 2. № 1. P. 115—144.

Geddes B. et al. 2014. Autocratic Breakdown and Regime Transitions: A New Data Set // *Perspectives on Politics*. Vol. 12. № 1. P. 313—331.

Giliomee H., Simkins C.E.W. 1999. The Dominant Party Regimes of South Africa, Mexico, Taiwan and Malaysia: A Comparative Assessment // Giliomee H., Simkins C.E.W. (eds.) *The Awkward Embrace: One-Party Domination and Democracy*. — Amsterdam: Harwood Academic Publishers. P. 1—46.

Huntington S.P. 1970. Social and Institutional Dynamics of One-Party Systems // Huntington S.P., Moore C.H. (eds.) *Authoritarian Politics in Modern Society: The Dynamics of Established One-Party Systems*. — N.Y.: Basic Books. P. 3—47.

Isaacs R., Whitmore S. 2013. The Limited Agency and Life-Cycles of Personalized Dominant Parties in Post-Soviet Space: The Case of United Russia and Nur Otan // *Democratization*. Vol. 21. № 4. P. 699—721.

Jager N. de, Toit P. du. 2013. Introduction // Jager N. de, Toit P. du. (eds.) *Friend or Foe? Dominant Party Systems in Southern Africa: Insights from the Developing World*. — Cape Town: UCT Press. P. 3—20.

LaPalombara J., Weiner M. 1964. *Political Parties and Political Development*. — Princeton: Princeton University Press.

Lustick I.S. 1996. History, Historiography, and Political Science: Multiple Historical Records and the Problem of Selection Bias // *American Political Science Review*. Vol. 90. № 3. P. 605—618.

Mair P. 1997. *Party System Change: Approaches and Interpretations*. — Oxford: Clarendon Press.

McDonald R.H. 1971. *Party Systems and Elections in Latin America*. — Chicago: Markham Publishing Company.

Moore C.H. 1970. The Single Party as Source of Legitimacy // Huntington S.P., Moore C.H. (eds.) *Authoritarian Politics in Modern Society: The Dynamics of Established One-Party Systems*. — N.Y.: Basic Books. P. 48—72.

Nacif B. 2006. The Rise and Fall of Mexico's PRI // *Challenges to Democracy by One-Party Dominance: A Comparative Assessment*. Seminar Report № 17. — Johannesburg: KAS. P. 91—98.

Nijzink L., Doorenspleet R. 2013. Why One-Party Dominance Endures in Some Democracies but Not Others // Doorenspleet R., Nijzink L. (eds.) *One-Party Dominance in African Democracies*. — Boulder: Lynne Rienner Publishers. P. 195—208.

Pempel T.J. 1990a. Uncommon Democracies: The One-Party Dominant Regimes // Pempel T.J. (ed.) *Uncommon Democracies: The One-Party Dominant Regimes*. — Ithaca: Cornell University Press. P. 1—32.

Pempel T.J. 1990b. One-Party Dominance and the Creation of Regimes // Pempel T.J. (ed.) *Uncommon Democracies: The One-Party Dominant Regimes*. — Ithaca: Cornell University Press. P. 333—360.

Przeworski A. et al. 2000. *Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990*. — Cambridge: Cambridge University Press.

Reuter O.J. 2010. *The Origins of Dominant Parties: A Cross-National Investigation*. Paper presented at the 2010 meeting of the American Political Science Association.

Reuter O.J., Gandhi J. 2011. Economic Performance and Elite Defection from Hegemonic Parties // *British Journal of Political Science*. Vol. 41. № 1. P. 83–110.

Reuter O.J., Remington T.F. 2009. Dominant-Party Regimes and the Commitment Problem: The Case of United Russia // *Comparative Political Studies*. Vol. 42. № 4. P. 501–526.

Rimanelli M. 1999. Peaceful Democratization Trends in Single-Party-Dominant Countries // Rimanelli M. (ed.) *Comparative Democratization and Peaceful Change in Single-Party-Dominant Countries*. — N.Y.: St. Martin's Press. P. 1–24.

Sartori G. 2005 [1976]. *Parties and Party Systems: A Framework for Analysis*. — Colchester: ECPR Press.

Schlesinger J.A. 1955. A Two-Dimensional Scheme for Classifying the States According to Degree of Inter-Party Competition // *American Political Science Review*. Vol. 49. № 4. P. 1120–1128.

Suttner R. 2006. Party Dominance «Theory»: Of What Value? // *Politikon*. Vol. 33. № 3. P. 277–297.

Toit P. du, Jager N. de. 2013. Conclusion: Resources and the Politics of Dominant Party Systems // Jager N. de, Toit P. du. (eds.) *Friend or Foe? Dominant Party Systems in Southern Africa: Insights from the Developing World*. — Cape Town: UCT Press. P. 195–212.

Van de Walle N., Butler K.S. 1999. Political Parties and Party Systems in Africa's Illiberal Democracies // *Cambridge Review of International Studies*. Vol. 13. № 2. P. 14–28.

Wildavsky A.B. 1959. A Methodological Critique of Duverger's Political Parties // *Journal of Politics*. Vol. 21. № 2. P. 303–318.

References

Almond G.A. 1960. Introduction: A Functional Approach to Comparative Politics // Almond G.A., Coleman J.S. (eds.) *The Politics of the Developing Areas*. — Princeton: Princeton University Press. P. 3–64.

Anckar D. 1997. Dominating Smallness: Big Parties in Lilliput Systems // *Party Politics*. Vol. 3. № 2. P. 243–263.

Bellows T.J. 1970. *The People's Action Party of Singapore: Emergence of a Dominant Party System*. — New Haven: Yale University South-east Asia Studies.

Beyme K. von. 1985. *Political Parties in Western Democracies*. — Aldershot: Gower.

Blanksten G.I. 1960. The Politics of Latin America // Almond G.A., Coleman J.S. (eds.) *The Politics of the Developing Areas*. — Princeton: Princeton University Press. P. 455–531.

Blondel J. 1968. Party Systems and Patterns of Government in Western Democracies // *Canadian Journal of Political Science*. Vol. 1. № 2. P. 180—203.

Blondel J. 1972. *Comparing Political Systems*. — N.Y.: Praeger.

Bogaards M. 2004. Counting Parties and Identifying Dominant Party Systems in Africa // *European Journal of Political Research*. Vol. 43. № 2. P. 173—197.

Boucek F. 2012. *Factional Politics: How Dominant Parties Implode or Stabilize*. — Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Boucek F., Bogaards M. 2010. Introduction: Setting a New Agenda for Research // Bogaards M., Boucek F. (eds.) *Dominant Political Parties and Democracy: Concepts, Measures, Cases and Comparisons*. — L.: Routledge. P. 1—19.

Coleman J.S. 1960. The Politics of Sub-Saharan Africa // Almond G.A., Coleman J.S. (eds.) *The Politics of the Developing Areas*. — Princeton: Princeton University Press. P. 247—368.

Crick B. 1959. *The American Science of Politics: Its Origins and Conditions*. — Berkeley: University of California Press.

Degtyarev A.A. 1998. *Osnovy politicheskoy teorii*. — M.: Vysshaja shkola.

Doorenspleet R., Nijzink L. 2013. One-Party Dominance in African Democracies: A Framework for Analysis // Doorenspleet R., Nijzink L. (eds.) *One-Party Dominance in African Democracies*. — Boulder: Lynne Rienner Publishers. P. 1—24.

Duverger M. 1960. Sociologie des partis politiques // Gurvitch G. (dir.) *Traité de sociologie*. T. II. — P.: PUF. P. 22—45.

Duverger M. 2007 [1951]. *Politicheskie partii*. — M.: Akademicheskij proekt.

Friedman E. 2008. Why the Dominant Party in China Won't Lose // Friedman E., Wong J. (eds.) *Political Transitions in Dominant Party Systems: Learning to Lose*. — L.: Routledge. P. 252—268.

Friedman E., Wong J. 2008. Learning to Lose: Dominant Parties, Dominant Party Systems, and Their Transitions // Friedman E., Wong J. (eds.) *Political Transitions in Dominant Party Systems: Learning to Lose*. — L.: Routledge. P. 1—12.

Geddes B. 1999. What Do We Know about Democratization after Twenty Years? // *Annual Review of Political Science*. Vol. 2. № 1. P. 115—144.

Geddes B. et al. 2014. Autocratic Breakdown and Regime Transitions: A New Data Set // *Perspectives on Politics*. Vol. 12. № 1. P. 313—331.

Giliomee H., Simkins C.E.W. 1999. The Dominant Party Regimes of South Africa, Mexico, Taiwan and Malaysia: A Comparative Assessment // Giliomee H., Simkins C.E.W. (eds.) *The Awkward Embrace: One-Party Domination and Democracy*. — Amsterdam: Harwood Academic Publishers. P. 1—46.

Golosov G.V. 2005. Sfabrikovannoe bol'shinstvo: konversija golosov v mesta na dumskih vyborah 2003 g. // *Polis*. № 1. S. 108—119.

Huntington S.P. 1970. Social and Institutional Dynamics of One-Party Systems // Huntington S.P., Moore C.H. (eds.) *Authoritarian Politics in Modern Society: The Dynamics of Established One-Party Systems*. — N.Y.: Basic Books. P. 3—47.

Isaacs R., Whitmore S. 2013. The Limited Agency and Life-Cycles of Personalized Dominant Parties in Post-Soviet Space: The Case of United Russia and Nur Otan // *Democratization*. Vol. 21. № 4. P. 699—721.

Jager N. de, Toit P. du. 2013. Introduction // Jager N. de, Toit P. du. (eds.) *Friend or Foe? Dominant Party Systems in Southern Africa: Insights from the Developing World*. — Cape Town: UCT Press. P. 3—20.

LaPalombara J., Weiner M. 1964. *Political Parties and Political Development*. — Princeton: Princeton University Press.

Lustick I.S. 1996. History, Historiography, and Political Science: Multiple Historical Records and the Problem of Selection Bias // *American Political Science Review*. Vol. 90. № 3. P. 605—618.

Mair P. 1997. *Party System Change: Approaches and Interpretations*. — Oxford: Clarendon Press.

Makarenko B.I. 2011. Postsovetskaja partija vlasti: «Edinaja Rossija» v sravnitel'nom kontekste // *Polis*. № 1. S. 42—65.

McDonald R.H. 1971. *Party Systems and Elections in Latin America*. — Chicago: Markham Publishing Company.

Meleshkina E.J. 2006. Dominirovanie po-russki ili mirovoi fenomen? // *Politicheskaja nauka*. № 1. S. 135—161.

Moore C.H. 1970. The Single Party as Source of Legitimacy // Huntington S.P., Moore C.H. (eds.) *Authoritarian Politics in Modern Society: The Dynamics of Established One-Party Systems*. — N.Y.: Basic Books. P. 48—72.

Nacif B. 2006. The Rise and Fall of Mexico's PRI // *Challenges to Democracy by One-Party Dominance: A Comparative Assessment*. Seminar Report № 17. — Johannesburg: KAS. P. 91—98.

Nijzink L., Doorenspleet R. 2013. Why One-Party Dominance Endures in Some Democracies but Not Others // Doorenspleet R., Nijzink L. (eds.) *One-Party Dominance in African Democracies*. — Boulder: Lynne Rienner Publishers. P. 195—208.

Okunev I.J. 2009. Stjenfordskaja model' krizisa razvitija // *Polis*. № 3. S. 136—144.

Pempel T.J. 1990a. Uncommon Democracies: The One-Party Dominant Regimes // Pempel T.J. (ed.) *Uncommon Democracies: The One-Party Dominant Regimes*. — Ithaca: Cornell University Press. P. 1—32.

Pempel T.J. 1990b. One-Party Dominance and the Creation of Regimes // Pempel T.J. (ed.) *Uncommon Democracies: The One-Party Dominant Regimes*. — Ithaca: Cornell University Press. P. 333—360.

Przeworski A. et al. 2000. *Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950—1990*. — Cambridge: Cambridge University Press.

Reuter O.J. 2010. *The Origins of Dominant Parties: A Cross-National Investigation*. Paper presented at the 2010 meeting of the American Political Science Association.

- Reuter O.J.**, Gandhi J. 2011. Economic Performance and Elite Defection from Hegemonic Parties // *British Journal of Political Science*. Vol. 41. № 1. P. 83—110.
- Reuter O.J.**, Remington T.F. 2009. Dominant-Party Regimes and the Commitment Problem: The Case of United Russia // *Comparative Political Studies*. Vol. 42. № 4. P. 501—526.
- Rimanelli M.** 1999. Peaceful Democratization Trends in Single-Party-Dominant Countries // Rimanelli M. (ed.) *Comparative Democratization and Peaceful Change in Single-Party-Dominant Countries*. — N.Y.: St. Martin's Press. P. 1—24.
- Sartori G.** 2005 [1976]. *Parties and Party Systems: A Framework for Analysis*. — Colchester: ECPR Press.
- Schlesinger J.A.** 1955. A Two-Dimensional Scheme for Classifying the States According to Degree of Inter-Party Competition // *American Political Science Review*. Vol. 49. № 4. P. 1120—1128.
- Sergeev V.M.**, Sarukhanyan S.N. 2012. «Belaja revoljucija»: proval modernizacii sverkhu // *Politeia*. № 3. S. 132—145.
- Suttner R.** 2006. Party Dominance «Theory»: Of What Value? // *Politikon*. Vol. 33. № 3. P. 277—297.
- Toit P. du**, Jager N. de. 2013. Conclusion: Resources and the Politics of Dominant Party Systems // Jager N. de, Toit P. du. (eds.) *Friend or Foe? Dominant Party Systems in Southern Africa: Insights from the Developing World*. — Cape Town: UCT Press. P. 195—212.
- Van de Walle N.**, Butler K.S. 1999. Political Parties and Party Systems in Africa's Illiberal Democracies // *Cambridge Review of International Studies*. Vol. 13. № 2. P. 14—28.
- Wildavsky A.B.** 1959. A Methodological Critique of Duverger's Political Parties // *Journal of Politics*. Vol. 21. № 2. P. 303—318.
- Zaslavskiy S.E.** (ed.) 2007. *Osnovy teorii politicheskikh partij*. — M.: Evropa.

Список стран, где фиксировались системы с доминантной партией: Австралия, Алжир, Ангола, Антигуа и Барбуда, Аргентина, Бангладеш, Бельгия, Берег Слоновой Кости (Кот-д'Ивуар), Бирма (Мьянма), Боливия, Ботсвана, Бразилия, Бурунди, Великобритания (в том числе Англия в период Британской империи, Северная Ирландия после 1945 г.), Венгрия, Венесуэла, Верхняя Вольта (Буркина-Фасо), Вьетнам, Габон, Гайана, Гамбия, Гана, Гвинейская Республика, Гвинея-Бисау, Германия, Гондурас, Греция, Польша, Дагомея (Бенин), Дания, Демократическая Республика Конго (столица г.Киншаса), Джибути, Доминика, Доминиканская Республика, Египет, Зимбабве, Израиль, Индия, Индонезия, Иран, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Кабо-Верде, Камбоджа, Камерун, Канада, Кения, Китай, Китайская Республика (Тайвань), Колумбия, Коста-Рика, Куба, Лаос, Лесото, Либерия, Люксембург, Мавритания, Мадагаскар, Малайзия, Малайская Федерация, Марокко, Мексика, Мозамбик, Намибия, Нигер, Никарагуа, Новая Зеландия, Норвегия, Ньясаленд (затем Федерация Родезии и Ньясаленда, а после ее распада — Малави и Замбия), Парагвай, Перу, Португалия, Пуэрто-Рико, Республика Конго (столица г.Браззавиль), Республика Танганьика (после объединения с независимыми приграничными территориями — Объединенная Республика Танзания), Руанда, Сальвадор, Самоа, Сан-Томе и Принсипи, Свазиленд, Северная и Восточная Нигерия (до присоединения к Федеративной Республике Нигерия), Северная Корея, Сейшельские Острова, Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Люсия, Сингапур, Сирия, Сомали, СССР (после распада Союза — Россия, Молдавия, Азербайджан, Грузия, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркмения), Судан, США, Сьерра-Леоне, Того, Тунис, Турция, Уганда, Уругвай, Федерация Мали (после распада Федерации — Мали и Сенегал), Филиппины, Франция, Центральноафриканская Республика, Чад, Чехословакия, Чили, Швейцария, Швеция, Шри-Ланка, Экваториальная Гвинея, Эритрея, Эфиопия, Южная Корея, Южно-Африканский Союз (Южно-Африканская Республика), Южный Йемен (после объединения с Северным Йеменом — Йеменская Республика), Япония.